

РОССИИ ПРОСТО НЕОБХОДИМ «УЧЕНЫЙ-ИНТЕЛЛИГЕНТ У ВЛАСТИ»

Александр Доброхотов

Александр Доброхотов — российский историк философии, доктор философских наук, профессор кафедры наук о культуре факультета философии ГУ ВШЭ, автор более ста публикаций

РЖ *Уважаемый Александр Львович, готово ли российское общество к модели интеллигентного лидерства, предлагаемой Дмитрием Медведевым?*

Модель «интеллигентного лидерства» пока не предъявлена обществу. Хотелось бы не реконструировать ее по отдельным «сигналам», а получить какой-либо программный документ. Российское общество готово к любой модели: с ним можно делать что угодно просто потому, что оно не является обществом.

РЖ *В какой мере модель лидерства, предлагаемая Медведевым, укладывается в мировой контекст? Уместно ли сравнение Медведева с Сапатерой в Испании, Джонсоном и Милибэндом в Англии, Обамой в США? Почему модель интеллигентного лидерства оказалась востребована именно сейчас, хотя многие пророчили усиление государства и его*

жесткой силы в посткризисном мире?

В высшей степени интересный вопрос. **Модель «ученого-интеллигента у власти», действительно, становится актуальной вопреки вероятностным ожиданиям.**

До определенного времени отношения власти и культуры сводились к схеме меценатства-патронажа. Придворные мудрецы всегда были хорошим дизайном власти. Ренессанс предложил несколько новую схему: сетевую культуру близких к власти интеллектуальных кружков. Начиная с Людовика XIV можно говорить о принципиально новой абсолютистской модели, связанной с блокированием общественной роли церкви: появляется *культурная политика государства*. Казалось бы, в этой версии функции «интеллигента у власти» и «при власти» постепенно отмирают. Но где-то на рубеже XIX—XX веков в разных идейных контекстах этот образ вновь оживает, отвечая, как можно предположить, каким-то культурно-политическим запросам. В XX веке галерея таких образов (а главное — ролей) уже обширна. Удачны все примеры, приведенные в вопросе. Можно пополнить ряд именами Томаша Масарика, Яна Смэтса, Леопольда Сенгора, Сарвепалли Радхакришнана. Это отнюдь не

ет феодальную парадигму, но радикально отличается от нее отсутствием сословий с их полноценной субкультурой. В такой системе властителю неудобно передавать интеллектуальные функции «спецам», оставаясь меценатом.

Дело, конечно, не в том, чтобы правитель был интеллигентом (этот социальный тип ущербен по своему, как и всякий тип). Носителю власти нужны теперь навыки «интеллигента»: способность быть «лицом» и видеть в других «лица», а не подданных, умение соединять противоположности и брать на себя ответственность за каждую версию решения, готовность к диалогу, открытость внешней среде, смиренное принятие многообразия мира...

Пресловутая «жесткая сила» в этой политической системе (как и в любой другой) необходима. Тем более что можно предположить постепенное снижение риска глобальных конфликтов, но параллельное нарастание риска локальных столкновений. Поэтому будет востребована неформальная моральная санкция на применение силы, для чего мало безличных институтов. Впрочем, можно обойтись и без зыбких прогнозов: **власть с человеческим лицом уже сейчас — реальный противовес демонизированной массе.**

Образ «президента-интеллигента», при его мировой востребованности, вырастает из национальной культуры, и в этом его сила

противоречит приходу «государства и его жесткой силы». На смену унитарному государству модернитета, в котором все, кроме суверена, являются или администраторами разного ранга, или частными лицами, постепенно приходит государство как результат партнерского договора уважаемых субъектов силы. **Это отдаленно напомина-**

РЖ *Может ли рассматриваемая модель лидерства существовать без наличия в той же системе другого лидера, в качестве партнера или системного конкурента, олицетворяющего жесткую силу (скажем, Обама выигрывает на фоне пугающего образа Буша или Чейни)?*

Такая модель может существовать только в системе. Важно, чтобы эта система была политической властью, а не властью субъекта корпоративных интересов. В последнем случае любой формат «тандема» будет фикцией: если мы хотим дополнить одно колесо велосипеда вторым, то спорить о его форме, предлагая квадрат или треугольник, не стоит. Оно должно быть круглым. Государство должно осуществлять политическую власть. Политическая система предполагает правовое согласование интересов множества свободных субъектов. В таком случае **«жесткая сила» — это один из технических инструментов, который не обязательно символически демонстрировать: он просто должен работать в необходимом формате.** Сама же система может быть разной: ее тип вырастает из политической культуры своего времени.

Модель «ученого-интеллекта у власти» предполагает, пожалуй, особую дистрибуцию высших властных функций. Чтобы стать вершиной пирамиды свободной политической активности общества, она должна (в России, во всяком случае) дополняться институтами, обеспечивающими необходимую степень стабильности, солидарности и преемственности. Естественным духовным институтом такого рода может быть церковь (совет конфессий). Подобный светский институт представить труднее. Возможно, им могла бы стать монархия.

РЖ *Обусловлено ли появление президента-интеллекта по главе России фактором политического влияния Запада, воздействия европейской политической культуры?*

Сегодня уже можно говорить об общемировой доминирующей модели правового государства. Генетически она — европейская, но логических альтернатив ей нет. А образ «президента-интеллекта», при его мировой востребованности, вырастает из национальной культуры, и в этом его сила.

Образом такого типа лидера является Томаш Гарриг Масарик, профессиональный философ, который сумел уберечь Чехословакию в 1918–1935 годах от всех опасностей молодой постимперской демократии. Возможно, ему удалось это сделать еще и потому, что он вообрал в себя сложный духовный опыт своей нации. Таким же лидером в России начала XX столетия мог стать князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый свободно избранный ректор Московского университета, быстро занявший в общественном сознании место «ученого-интеллекта у власти». Эти люди были европейцами, но в «европейство» они принесли культурную альтернативу, вскормленную национальной почвой. Эта формула важна именно сейчас, когда в планетарном масштабе происходит смена лидеров. Так уж устроена эпоха Нового времени, что смена лидерства происходит редко и надолго, а цена проигрыша весьма высока. У России именно в силу ее альтернативного опыта еще есть шанс войти в доминантное сообщество, хотя многое уже упущено. ■

Беседовала Любовь Ульянова

НОВЫЙ ЛИДЕР ДЛЯ СТАРОЙ ПАРТИИ

Глеб Павловский

Окончание. Начало на стр. 2

Медведев говорил от имени тандема — и как ни ждали в кулуарах иные, никто на съезде не рискнул выйти с «альтернативной» президенту стратегией. Медведев формулировал политически стратегические задачи, и диктовал их партии в императивном наклонении. Повестка Медведева на уровне государственного руководства стала **безальтернативной.** По правилам А. Грамши и русской политики, именно безальтернативная agenda сулит гегемонию; все силы в стране вынуждены будут ее признать. Включая правящую партию. Медведев говорит про беспартийных, что у них есть **право** требовать внимания от партии власти. Но самой партии он говорит — вы **должны!** *«Представители партии должны принять самое активное участие в социально значимых для нас проектах.. Государственная машина должна быть перенацелена на поиск талантливых и поощрение современных людей...»*

4.

Медведев, яснее некуда обозначил конец прежней эпохи, эпохи героической (и как всякая героика крайне неряшливой) — и начало новой. *«В течение первых лет нового века мы укрепляли и упорядочивали институты нашего демократического государства. И это нам удалось. В этом году вместе принимали важные решения, направленные на модернизацию политической системы нашей страны..»* Желанная Медведевым «лидирующая Россия» неизбежно требует **признания реальной России — отсталой.** Этого же признания президент требует от партии. Это им, путинским триумфалистам, знавшим сладость борьбы и победы, он диктует определение старта нового времени — отсталость! *«Отсталое сырьевое хозяйство, которое в современном смысле слова экономикой назвать можно лишь условно»*

Медведев превратил тандем в публичный политический институт. Это привело к тому, что атмосфера догадок и инсинуаций стала расчищаться. Правящий тандем Дмитрия Медведева и Владимира Путина выступил **коллективным лидером** правящей партии. За Медведевым на съезде осталось последнее — стратегическое слово. *«...Нужно модернизировать партию, сделать её более гибкой, более открытой, нужно научиться побеждать...всем нам, кстати, нужно научиться побеждать, в открытой борьбе».* Путин уступил президенту Медведеву свое — первое место на съезде созданной им некогда национальной силы. Если была у 11 съезда «Единой России» интрига, то вот она: Медведев пришел на съезд гостем, а ушел с него **лидером партии Путина.**

Медведев объявил, что сила тандема — сила ценностей; и ценности кладутся им в основу его личного мандата. Кризис и победа в неожиданной войне подсказали ему выбор жанра нового лидерства — это **конфликт.** Медведев лидер именем созидательного конфликта, внутренней войны за новую Россию. И ему не надо оглядываться назад — Путин и партия большинства у него за спиной. ■